Жирнова Александра Евгеньевна,

Москва, 10 класс, рег. №3030

ТЕТРАДЬ

для _____

_____

учени_____класса_____

_____школы_____

_____

_____

51699

Выход из Аудитории
11[16] – 11[17]

57

Е. Баратынский. "Пироскаф".

Перед нами одно из последних стихотворений Евгения Баратынского, написанное в 1844 году во время путешествия на пароходе, о чём говорит само заглавие стихотворения: французское слово "пироскаф", произошедшее от греческих корней "pyr" и "skaphos", то есть "огонь" и "судно", было первым названием парохода.

Однако в заглавии важно не только то, что оно определяет один из ключевых образов, но и то, что греческие корни сразу вызывают у читателя (или слушателя — не будем забывать, что поэзия рассчитана на то, чтобы быть произнесённой вслух) ассоциации с античностью. Античные образы всегда были очень важны для поэзии и для мировой культуры в целом, и не было эпохи, когда художники (в широком смысле этого слова) не имели бы интереса к античной культуре, и эпоха русского романтизма, ~~к которой~~ к которой принято относить творчество Баратынского, — не

51699

1

исключение. В стихотворении "Пироскаф" особенно много образов из древнегреческой мифологии.

Чтобы разобраться в них, следует сначала определить, как же "сделано" стихотворение с точки зрения композиции. "Пироскаф" можно условно разделить на две равные части. В первых трёх строфах главное место занимает море, а в последних трёх строфах наиболее важны ощущения лирического героя.

Итак, мы уже назвали один из основных образов — образ моря, которое у Баратынского с первых строк предстаёт противоречивым, так как стихотворение начинается оксюмороном: "Дикою, грозную ласкою полны..." Казалось бы, нельзя сказать "грозная ласка", но именно в этом и заключается предназначение оксюморона: всего в двух словах передан весь образ моря, которое является одновременно и "бурной стихией", и "кротко ласкающей немочью". Стоит отметить, что в "Пироскафе" нет ни одного прилагательного, обозначающего цвет (кроме слова "белая",

которое относится к чайке), в отличие от предка-Гомера, современника-Пушкина или потомка-Фета. Это связано, скорее всего, с тем, что для Баратынского величие моря заключается прежде всего в его движении. Так, в каждой из первых трёх строф ~~моё видение~~ так или иначе упоминаются волны:

I. "<...> Бьют в наш корабль средиземные волны <...>"

II. 1) "<...> Роют волнистое лоно пучины <...>"

2) "<...> Наедине мы с морскими волнами <...>"

III. "<...> лодка рыбачья качается в море"

Постоянное ощущение движения, качки, сохраняющееся на протяжении всего стихотворения, создаётся также с помощью звукописи, например: "С брегом набрежное скрылось, сгинуло!" или "Много мятежных решим я вопросов // Прежде, чем руки марсельских матросов...". При произнесении этих строк вслух (а мы уже говорили, что стихи созданы для того, чтобы произносить их) благодаря аллитерации на "р" и "м" ~~ощ~~ возникает ощущение рокота волн, неотъемлемое от образа моря, особенно в произведениях романтизма (а здесь мы

видим поистине романтический пейзаж).

Раз уж мы заговорили о звукописи, не следует забывать и о стихотворном размере, ведь в нём тоже может заключаться глубокий смысл. Для "Пироскафа" Баратынский использует четырёхстопный анапест. Трёхсложник, ещё и при такой длине строки, сразу же отсылает нас к античности и, пусть это и не гомеровский гекзаметр, задаёт величественный тон, столь важный для поэта-романтика при описании моря.

С образом моря в "Пироскафе" сплетается образ парохода, как сплетаются в стихотворении античность и современность*. Как и в случае с волнами, во всех трёх строфах ("первой части") упоминается парус:

I. "<...> Ветру наш парус раздался недаром"

II. "<...> Парус надулся. Берег исчез".

III. "<...> Парус развив, как большое крыло, <...>
Лодка рыбачья качается в море"

Правда, последний парус принадлежит уже не пироскафу, а рыбачьей лодке, которая

* к этому приёму тяготели многие поэты и после Баратынского (например, Бродский в стихотворении "Итака").

сравнивается с чайкой — вечным символом свободы. ~~и ф надежды~~.

Вслед за чайкой возникает и другой символ — якорь, означающий надежду. Этот образ возникает из-за того, что для лирического героя берег, покинутый им, является гибельным, о чём говорится в четвёртой строфе:

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;

Лишь якорь, подчёркнутый матросами и означающий скорейший уход в море, то есть последнюю надежду лирического героя, и лишь берег Итаки, к которому он стремится, как Одиссей к Итаке, и для которого "в сердце приготовлена нега", являются его "надежды символом".

Весьма интересен образ самого лирического героя, начинающий вырисовываться во второй части стихотворения, то есть в трёх последних строфах (образ корабля при

этом практически исчезает — остаётся только якорь и вал, уломанный ~~ненадолго~~ внутрь только единожды). Мы видим, с одной стороны, поистине романтического героя — скитальца, оставившего фальшивый, низменный мир людей и ищущего утешения или спасения в море (этот мотив в определённой степени автобиографичен). С другой стороны, в нём есть и черты легендарного Одиссея: в обоих героях жажда странствий ("С детства влекла меня сердца тревога // В область свободную влажного Бога; // Жадные длани я к ней простирал...") соединяется со стремлением попасть на милый их сердцу берег. Однако герой Баратынского, куда удачливее героя Гомера: его "кротко ладит немочь морская" и Федтида вынимает ему счастливый жребий, в отличие от Одиссея, которого "владыкий бог" (Посейдон) только и делает, что уносит всё дальше, прочь от родной Итаки. (~~такая антитеза к~~ противопоставление Одиссею связано, скорее всего, с мироощущением самого Баратынского). Таким образом, мы

видим как бабронический герой приемлет черты гомеровского героя.

Последний и, пожалуй, самый значительный из упомянутых в стихотворении баратынского античных образов — это Элизий, или Элизиум*. Согласно античной мифологии, в Элизиуме обитают души праведников и героев, однако не следует забывать, что, хотя в Элизиуме тени не испытывают страданий, они лишены синего неба и яркого солнца, которые древние греки считали самой большой ценностью (вспомним, что говорит Ахиллес Одиссею, когда тот посещает мир мёртвых: Ахиллес жалеет, что выбрал короткую, но блистательную жизнь вместо долгой, но бесславной, так как он понял, что лучше жить рабом, чем царствовать над мёртвыми). Поэтому не стоит понимать слова "Элизий земной" как прямой аналог "рая земного". Несмотря на это,

*важный образ в русской литературе, появляющийся, например, у Тютчева ("Элизиум")

вполне возможно, что, поскольку в "Пироскафе" лирический герой бежит в ливорно от враждебного ему мира, Баратынский использовал слово "Элизий" для обозначения места покоя.

Однако нельзя отрицать, что в стихотворении присутствует ~~нет~~ тема смерти, которую поэт предчувствовал, и предчувствие это сбылось очень скоро.

+ В "Пироскафе" поэт как бы подводит итог всей своей жизни и высказывает надежду наконец обрести покой.

К1-25 Хорошее раскрыта, в целом,
К2-12 соблюдается необходимый
К3-9 баланс анализа и синтеза,
К4-7 формального и содержательного
К5-4 анализа; к сожалению, допущен
некоторые ошибки

57 баллов

Ковалёва
Гельфонд